
И. И. КОМИССАРОВ

ВНЕШНИЕ АНАЛОГИИ В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ МОДЕЛИРОВАНИИ: РАЗНОСТОРОННОСТЬ ПОДХОДА

Объектом исследования выступают внешние аналогии – вспомогательный понятийный аппарат, используемый для описания и интерпретации объектов интересующего (целевого) исследования. Предметом – применение внешних аналогий в социально-философском познании. Несмотря на широкое использование внешних аналогий при моделировании социальной реальности, до сих пор не представлена классификация, показывающая многоплановость, жизнеспособность, а также некоторые ограничения этого метода исследования. В результате структурирующего описания восполнена недостающая классификация. Проанализированы физические (механистическая, волновая, синергетическая модели) и биологические (органицистская, дарвинистская, расистская модели) направления в социальном моделировании, указаны уровни проведения аналогий в каждом из направлений. Отмечены злоупотребления внешними аналогиями в социальной философии. Выделены стратегии вовлечения внешних аналогий в социальное моделирование. Установлена связь между естественно-научным редукционизмом в социальной философии и использованием внешних аналогий.

Ключевые слова: внешние аналогии, социальное моделирование, физические модели, биологические модели, социальный механизм, диссипативная структура, социальный организм, редукционизм.

The object of the study is external analogies, an auxiliary conceptual apparatus used to describe and interpret the objects of the desired (target) study. The subject is the use of external analogies in social and philosophical knowledge. Despite the extensive use of external analogies in the modeling of social reality, a classification has yet to be presented that shows multidimensionality, relevance, and also some limitations of this method of investigation. As a result of the structuring description, the missing classification is filled. Physical (mechanistic, undulatory, synergetic models) and biological (organic, Darwinian, racist models) directions in social modeling are analyzed; the le-

vels of analogies in each direction are indicated. Abuse of external analogies in social philosophy is noted. The strategies of involving external analogies in social modeling are singled out. A connection has been established between scientific reductionism in social philosophy and the use of external analogies.

Keywords: *external analogies, social modeling, physical models, biological models, social mechanism, dissipative structure, social organism, reductionism.*

Моделирование человеческого общества в социальной философии нередко связано с использованием внешних аналогий. Последние определяются нами как заимствованный из вспомогательных (по отношению к социально-философскому познанию) областей знания понятийный аппарат, с помощью которого описываются, интерпретируются, объясняются объекты социальной философии.

Предполагается, что при моделировании интересующего нас объекта (социума) эвристически перспективным и оправданным является перенос понятийного аппарата, например, из физики, биологии на общественную реальность, в результате чего конструируются такие известные модели, как социальный механизм, социальный организм и др. Заметим, что методология использования аналогий может быть различной: это и раскрытие сущности интересующего предмета исследования через иные объекты (экспликация), и замена одних объектов другими, более простыми, но сходными с оригинальными (аппроксимация), использование выражений, употребляемых в переносном значении (метафоры), и т. д.

В рамках данного исследования предпринимается попытка классифицировать основные стратегии социального моделирования с использованием внешних аналогий. Хотелось бы продемонстрировать разносторонность применения такого метода моделирования к социально-философскому познанию, его жизнеспособность для сегодняшних исследований человеческого общества.

Возможно, нам не избежать заявлений, что обращение к внешним аналогиям – это устаревший прием. Ведь еще в конце XIX – начале XX в. подвергалось критике проведение с обществом физических и биологических параллелей [Шершеневич 1910]. Однако сейчас с таким утверждением согласиться нельзя. В настоящее время мы можем наблюдать развитие синергетики, в результате чего ее базовые положения интенсивно транслируются на социаль-

ную реальность [Нехамкин 2015; Урманцев 2007], вызывая при этом научные дискуссии [Гобозов 2005; Дзугаев 2006]. Нельзя также игнорировать тот факт, что биологические науки продолжают оставаться крупным источником внешних аналогий в современных социально-философских исследованиях [Семенов 2015; Скворец 2013]. Данные обстоятельства обосновывают актуальность исследования и наводят на мысль, что использование внешних аналогий – это в действительности неисчерпаемый прием для исследования общества.

Одним из направлений социального моделирования с использованием внешних аналогий является создание физических моделей. Предполагается, что исследовательские достижения в рамках физики и смежных наук можно транслировать в область социально-философского познания. Так, общество, общественные процессы можно описывать через понятие механизма, сил притяжения (отталкивания), волновых циклов, диссипативной структуры (в синергетике). Можно сказать, что данное направление неиссякаемо в эвристическом плане, поскольку при развитии новой, революционной теории в рамках физических наук велика вероятность очередного перенесения положений этой теории на социальную реальность.

Широкую известность снискала механистическая модель как одна из разновидностей физической. Общество здесь описывается в качестве пространственно-временного объекта, состоящего из тел (или деталей), подчиняющихся законам механики. Последняя понимается в широком смысле слова как исследовательская область, изучающая движение материальных тел и их взаимодействие.

Явления социальной реальности можно сопоставлять как с некоторыми абстрактными законами механики, так и с конкретным механизмом – предметом, состоящим из деталей, которые работают по этим законам. Заметим, что обозначение «законы механики» здесь можно понимать двояко: это могут быть реальные законы в данной области физики, а могут быть просто положения, которые не обладают статусом закона, но имеют отношение к движению и взаимодействию физических тел. Зато в рамках социальной физики подобные положения уже могут иметь статус закона для объектов социальной реальности.

В рамках социального механицизма целесообразно выделить два уровня проведения внешних аналогий: частей и целого. В роли частей (в качестве материальных тел или деталей) могут выступать отдельные индивиды, их семьи, из комплексного объединения которых складывается целое – механистическое общество, с которым может быть связан конкретный механизм, но может и не быть столь точной аналогии, поэтому такой механизм получает статус абстрактного. В то же время есть и другой подход: части, то есть отдельные люди, а не общество целиком, уподобляются механизмам или механическим машинам. Получается, что в рамках такого подхода все общество – это сумма человеческих механизмов.

Ярким представителем направления, где социальная реальность в целом описывается и исследуется наподобие механизма (и притом конкретного), является Т. Гоббс. Привлекательность обращения к механизму можно объяснить тем, что, с одной стороны, механизм – это порождение человеческих рук, а с другой – это творение работает по объективным, не зависимым от человека физическим законам. К обществу, в свою очередь, тоже можно подойти двояким образом: в социальной жизни присутствует и человеческая воля, и законы, обойти которые не может ни один индивид.

Конкретным предметом сопоставления у Гоббса выступают механические часы [Гоббс 1989]. Чтобы узнать, как работает такой предмет, следует проделать аналитическую работу: разобрать часы на составные детали. Выяснив, как взаимодействуют между собой отдельные части часового механизма, можно прийти к представлению о том, как работают часы в целом. Аналогичную работу, только мыслительную, следует осуществить и при исследовании общества – разобрать его на отдельные части.

Итак, социальный механизм состоит из материальных тел или деталей (индивидов), которые не обладают органической связью между собой (индивидуальны, независимы друг от друга, пребывают в естественном состоянии), находятся в пространстве и времени (исторический процесс и прогресс) и пребывают в движении, которое было привнесено извне благодаря Божественному первотолчку. Бог здесь выступает в образе великого часовщика, который привел в движение часовую социальный механизм и больше не вмешивается в его ход. По сути, эта роль перводвигателя отдана

материальным ресурсам как внешнему фактору, принесенному Богом и заставляющему людей (из-за неравного и недостаточного распределения ресурсов) пребывать в состоянии войны всех против всех (то есть в вынужденном движении), что впоследствии приводит к заключению общественного договора и образованию государства.

Примерами иного перенесения законов из мира взаимодействия физических тел могут послужить исследования бельгийского математика и астронома А. Кетле и американского экономиста Г. Ч. Кэри. Оба представителя социального механицизма считают, что в основе образования, единения общества лежит сила притяжения между социальными телами (отдельными индивидами). По каким-то причинам люди не могут жить изолированно и начинают притягиваться друг к другу, образуя социум. Интересно, что основание этого притяжения два механициста понимают противоположно [Комиссаров 2015а]. У А. Кетле люди притягиваются друг к другу, поскольку обладают однородными качествами: языком, историей, культурой, близостью проживания и др. [Кетле 2012]. Силы притяжения здесь аналогичны гравитационным силам, под действием которых сближаются планеты и другие космические тела (в небесной механике). Г. Ч. Кэри, напротив, считает, что люди соединяются в результате своей неоднородности, подобно тому, как это делают разнозаряженные частицы. Неоднородность социальных тел вызвана экономическими факторами: наличие одних вещей (товаров) и недостаток других побуждают людей вступать в социальные связи посредством обмена [Carey 1858].

Человек, как уже было отмечено, также может рассматриваться в рамках механистической модели как своего рода механизм (а не просто как точка или деталь в социальном пространстве). Так, Ж. Ламетри, Я. Молешотт описывали индивида в качестве телесного механизма. Согласно Ламетри, «человеческое тело – это заводящая сама себя машина, живое олицетворение непрерывного движения» [Ламетри 1983: 183]. При добавлении в телесный механизм определенной детали (того или иного вида пищи) возникает каждый раз специфическое воздействие на душу или мозг (особую деталь человека-машины), приводящий тело в движение, характер которого определяется особенностями принятого пищевого «реа-

гента»: английская нация отличается жестокостью, поскольку употребляет полусырое, кровавое мясо.

До сих пор мы рассматривали модели, через которые социальная реальность описывалась по аналогии с физическим миром. Некоторые исследователи пошли дальше, не только показывая аналогию двух миров, но и утверждая, что физическая реальность (объекты неживой природы) оказывает прямое и непосредственное влияние на социальную жизнь (редукция социальной реальности к физическим явлениям). Среди таких исследователей выделяется отечественный биофизик А. Л. Чижевский. Согласно взглядам ученого, движение общества сквозь историческое время описывается волновыми циклами: чередование пика активности масс людей (социальные революции, войны, грандиозные стройки и др.) и спада такой активности (относительно мирное время). Особенность позиции Чижевского состоит в том, что циклическое движение общества не столько методологическая аналогия, сколько факт, являющийся следствием другого факта: периодической пятнообразующей деятельности Солнца [Чижевский 1924]. Получается, что пульсирующая солнечная активность по своему подобию придает изначально рыхлой социальной реальности законченную волновую форму [Ловецкий, Комиссаров 2014].

Современным вариантом физической модели социальной реальности выступает синергетическая модель. Общество здесь описывается как диссипативная структура – форма синтеза порядка и хаоса, сложившаяся в результате их взаимных переходов [Бранский 1999]. Такая структура может существовать при условии постоянного обмена с внешней средой посредством вещества, энергии и информации. Благодаря такому обмену общество поддерживает свою упорядоченность (низкую энтропию), однако это достигается ценой усиления беспорядка (повышения энтропии) во внешней среде. В качестве иллюстрации приведем отношение социума к окружающей среде: развитие человеческой цивилизации влечет за собой загрязнение природы продуктами жизнедеятельности, истощение ее ресурсов, исчезновение одних и распространение других биологических видов.

Дальнейшее описание синергетической модели поясним на конкретном примере. Обратимся к российской истории XX в. Рос-

сия как диссипативная структура проходила в конце 1910-х – начале 1920-х гг. процесс деиерархизации – распад на диссипативные структуры более низкого порядка. Российская империя распалась в это время на государственные образования Советов и Белого движения, национальные государства. Достигнув некоторого предела – странного аттрактора (ведь процесс дезинтеграции не может длиться бесконечно), Россия как система стала претерпевать процесс иерархизации – объединение диссипативных структур низкого порядка в структуру более высокого порядка. Процесс объединения идет нелинейно и определяется бифуркацией: система стоит перед выбором дальнейшего пути движения между ограниченным числом возможностей. Во время Гражданской войны российское общество стояло перед выбором между советской властью и Белым движением. В итоге Россия пошла по пути строительства социализма, в ходе которого многие из отторгнутых ранее территорий были возвращены, а в политическом пространстве установилась власть одного правительства. Процесс иерархизации также достигает какого-то предельного состояния – простого аттрактора, после чего система вновь впадает в процесс деиерархизации.

Выше мы рассмотрели случаи более или менее адекватного конструирования социальных моделей с помощью внешних аналогий с объектами изучения физики и смежных с ней дисциплин. Однако существует и практика спекулятивной трансляции достижений физических наук на почву социально-философского познания.

На наш взгляд, здесь уместно упомянуть о попытке А. Сокала и Ж. Брикмона критически осмыслить идеи видных представителей постмодернистской философии XX–XXI вв. [Сокал, Брикмон 2002]. По мнению критиков, такие авторы, как Ж. Бодрийяр, Ж. Делёз и Ф. Гваттари, П. Вирильо и др., злоупотребляют использованием естественно-научной терминологии при интерпретации самых разнообразных объектов гуманитарного познания, в том числе социальной реальности. Так, П. Вирильо, описывая способы регуляции человеческих обществ, использует понятия «временной интервал», «пространственный интервал», «хронополитическая регуляция». Источником вдохновения при создании подобных терминов выступала теория относительности, однако, как считают А. Сокал и Ж. Брикмон, их использование не адекватно предмету

исследования и они позволяют «закутать банальное наблюдение в ученую терминологию» [Сокал, Брикмон 2002: 142].

Другой ключевой формой использования внешних аналогий является обращение к биологическим наукам, в результате чего конструируются биологические модели. Общество здесь может описываться в качестве живого организма (органицистская модель), также к социуму могут применяться отдельные биологические законы, как это происходит в социальном дарвинизме. Для социального моделирования заимствуются разные биологические единицы: клетки, отдельные растения и животные, популяции видов. Учитывая, что сам человек – это животный организм, вполне закономерной можно считать идею поиска биологических соответствий и законов в социальной жизни людей.

Подобно развитым живым существам, социальный организм обладает несколькими уровнями организации общественного бытия. Во-первых, это клеточный уровень: клеткам уподобляются в одних случаях отдельные индивиды, в других – минимальное социальное образование – семья. Странником первого подхода выступал отечественный органицист П. Ф. Лилиенфельд-Тоаль: «Органическое сочетание людей, живущих в обществе, должно происходить по тем же органическим законам, как и сочетание клеток в каждом отдельном организме» [Лилиенфельд-Тоаль 2012: 142]. Исследователь уточнял, что людям соответствует определенный тип клеток – клетки нервной системы. Второй подход – уподобления клеткам семей – поддерживал А. Шеффле [Хвостов 2011].

Во-вторых, уровень органов (системы органов), где таким образованиям в социальном организме соответствуют отдельные сферы общественной жизни. Напомним здесь известные параллели, проводимые Г. Спенсером. В его социальном организме существуют три крупные системы: производительная, распределительная и управленческо-охранительная [Спенсер 1999].

Производительная система включает людей, занятых в сельском хозяйстве, ремесленном производстве и промышленности и соответственно создающих продукты питания, средства для их производства, другие предметы первой необходимости. В биологическом организме данная сфера находит соответствие в пищевари-

тельной системе, которая развивается из внутреннего зародышевого листка – энтодермы.

Управленческо-охранительная система представляет собой государственный аппарат, который выполняет двоякую функцию: управление, организация внутренней жизни социального организма и его охрана от внешней агрессии. В живом существе эта сфера параллельна нервной системе: парламенту как государственному органу соответствует головной мозг, а телеграфные линии, по которым передается информация, – нервам. Развивается нервная система из наружного зародышевого листка – эктодермы.

Распределительная система социального организма подразумевает торговую сферу, которая аналогична сердечно-сосудистой системе живого существа и выполняет функцию перераспределения питательных веществ (товаров) по социальному телу. Системе сосудов соответствуют дорожная и железнодорожная сети, по которым перемещаются товары. Согласно Г. Спенсеру, данная система развивается позже двух других, по аналогии – из среднего зародышевого листка – мезодермы.

В-третьих, уровень организма – органического тела, которому исследователи находят параллели с отдельными государствами, цивилизациями. Аналогии проводятся с растениями, животными, с самим человеком как биологическим существом.

Так, органицистская модель Г. Спенсера в целом предлагает аналогию между биологическим животным организмом, состоящим из органов, и общественным образованием, обладающим системами социальных органов. Примечательно, что Спенсер сравнивает развивающееся в ходе исторического процесса общество не столько с одним конкретным животным организмом, сколько с собирательным организмом, эволюционирующим от клеточных колоний через кишечнополостных гидр и их колоний к животному с развитым головным мозгом [Комиссаров 2015б]. Таким сравнением Спенсер показывает эволюцию общественной жизни от первобытных племен (клеточных соединений) до современных государств (венцом творения у Спенсера выступает английское общество с парламентарным устройством).

Если Г. Спенсер обращался для описания социальной реальности к миру животных, то наш соотечественник Н. Я. Данилевский –

к царству растений. Данилевский, выделяя культурно-исторические типы – самобытные цивилизации всемирной истории, наделял их следующими чертами: «Ход развития культурно-исторических типов всего ближе уподобляется тем многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но период цветения и плодоношения – относительно короток и истощает раз навсегда их жизненную силу» [Данилевский 2011].

В свою очередь, О. Шпенглер проводил сравнения общества с самим человеком как одним из представителей форм жизни. Его великие культуры в ходе всемирного исторического процесса проходят «возрастные ступени отдельного человека. У каждой есть свое детство, возмужалость и старость» [Шпенглер 1998]. Смерть Шпенглер уподоблял последней стадии жизни культуры – цивилизации.

Наконец, в-четвертых, надорганизменный уровень: популяционно-видовой организации живого соответствуют межгосударственные, междоцивилизационные взаимоотношения.

Выше мы упоминали идеи Н. Я. Данилевского и О. Шпенглера – двух представителей цивилизационного подхода. Они не сводили социальную реальность к полной аналогии с биологическим миром, как это делал Г. Спенсер. Тем не менее роль внешних биологических аналогий в их и других подобных учениях сильна, а их культуры (культурно-исторические типы, цивилизации – все в какой-то степени обладают чертами социальных организмов) сосуществуют с другими культурами, поэтому можно говорить о наличии надорганизменного уровня в их социальных моделях.

Более современным представителем социального органицизма является отечественный специалист Ю. И. Семенов. Четвертому уровню нашей классификации у него соответствует система социально-исторических организмов (социорная система). Социором является отдельное общество – самостоятельная историческая единица, локализованная в пространстве и во времени и проходящая органический цикл рождения, жизни, гибели [Семенов 2003].

В рамках четвертого уровня также могут транслироваться идеи Ч. Дарвина о естественном отборе и борьбе за существование биологических видов (социальный дарвинизм). Так, Г. Ф. Шершеневич с осторожностью применял дарвиновские законы в отношении

отдельных государств. Он не сомневался, что между государствами происходит борьба за существование, к которой они должны приспособиться. В противном случае не приспособившиеся к борьбе социумы сходят с исторической сцены, становясь жертвами хищнического соперничества. Соответственно, в социальной реальности выживают наиболее приспособленные социальные общности. Интересно, что эта же аналогия проводится и применительно к клеточному уровню социального организма: в экономической сфере между отдельными производителями товаров и услуг происходит конкурентная борьба за выживание на рынке. Осторожность позиции Шершеневича проявляется в том, что он, признавая антигуманность социального дарвинизма, надеялся, что в будущем эти бесчеловечные социальные законы будут изжиты в пользу сознательной общественной организации [Шершеневич 1910].

Заметим, что выделение надорганизменного уровня поддерживалось не всеми органицистами. Например, А. И. Стронин соотносил биологический организм не с отдельными сообществами людей (государствами, цивилизациями, культурами), а со всем человечеством: «Таким образом, человечество есть своего рода громадное тело, громадный сотворяемый организм, где действуют иногда не только такие же, но те же законы, что и в теле индивидуальном, что в организме уже сотворенном» [Стронин 1885].

Выше мы отметили идеи специалистов, согласно которым общество в целом определялось в качестве социального организма. Есть и другой подход к органицизму, признающий органическое устройство общества на первых порах его социально-исторического бытия, после чего общественная организация приобретает иной, неорганический, цивилизованный вид. Так, Н. И. Кареев в целом выступал против проведения аналогий между обществом и биологическим организмом, за исключением одного положения: прогресс общества состоит в эволюции от примитивного социального организма, где части (отдельные люди) наподобие клеток в многоклеточном существе служат целому (всему государству), как в кастовых обществах, в сторону цивилизованного общества, признающего обратное положение дел: общество как целое служит благосостоянию отдельных частей – отдельных людей [Кареев 1897].

Интересно, что подобное направление мысли проводил З. Фрейд в своей психоаналитической модели происхождения культуры – цивилизованного человеческого общества, возвысившегося над миром природы. Психоаналитик не проводит аналогии между миром живых существ и миром людей, но редуцирует происхождение культурного социума к подавлению человеческой животности, к отказу от удовлетворения биологических инстинктов, влечений и страстей. При подавлении биологической составляющей людей и принуждении их к труду они становятся способными создавать материальные блага и вступать при этом в сложную социальную организацию. Однако общественный прогресс имеет свою цену – психоэмоциональную неудовлетворенность и страдания людей [Фрейд 1990].

Отмечаем, что злоупотребления происходят и при использовании терминологии биологических наук для моделирования социума. Уже упомянутая модель социального дарвинизма при ее вульгаризации использовалась для обоснования незаконных действий в ходе конфликта различных социальных групп, в том числе способствовала оправданию фашистской идеологии и национальной дискриминации политическими и военными деятелями фашистской Германии.

Однако гораздо более недобрую славу снискала расистская модель общества, согласно которой люди вследствие расово-антропологических особенностей и отличий находятся в социальном, экономическом, политическом и культурном неравенстве. Именно врожденные расовые признаки детерминируют социальную жизнь людей, из-за чего социальные преобразования, ведущие к прогрессу, невозможны, если они не прописаны на расовом уровне [Лебон 2012]. Здесь заметно проявление не только уподобления социума биологическому миру (люди различных рас – это как будто бы различные биологические виды, отличающиеся между собой так же, как, например, орел и курица), но и редукционизма социальной реальности к «биологической сущности» человека.

Редукция, свойственная расистской модели, отличается от редукции, постулируемой З. Фрейдом. В рамках расистской модели биологическая составляющая людей – это и отправная точка, фундамент для построения модели общества, и в то же время, по мнению представителей этой модели, это часть человеческой сущно-

сти, которую преодолеть нельзя. Фрейд же исходил из преодолительности биологической составляющей человека, вследствие чего возникает цивилизованное человеческое общество. Отметим также, что естественно-научные злоупотребления представителями расистской модели гораздо более серьезны, чем постмодернистское вольное обращение с научной терминологией, поскольку, во-первых, они связаны с недостаточной развитостью науки на определенном этапе и, во-вторых, они служат оправданию антигуманистической идеологии и практики.

Итак, мы проанализировали два крупнейших подхода к социальному моделированию с использованием внешних аналогий – физический и биологический. Рассмотрев их по отдельности, мы, однако, не утверждаем, что указанные направления не имеют точек пересечения. Так, уже упоминаемый О. Шпенглер, противопоставляя культуру и цивилизацию как живое становящееся общество и омертвелое ставшее, говорит о первой как о «внутреннем организме», а вторую называет «внешним механизмом» [Шпенглер 1998: 540]. В рамках античной великой культуры подлинно культурой выступает древнегреческая, тогда как цивилизацией – римский мир. Получается, Шпенглер поддерживал в рамках одного крупного сообщества людей переход от общественного организма к общественному механизму.

Также заметим, что внешние аналогии не ограничиваются только связями с исследовательским пространством физики и биологии, хотя признаем, что значение физических и биологических параллелей для социального моделирования очень велико. Иные внешние аналогии используются, например, в формационном подходе. Социально-исторический процесс здесь представляется в качестве смены общественно-экономических формаций. Однако не стоит забывать, что всем известная формация – это заимствование из геологических наук. В геологии этим термином именуются образования, сложившиеся в земной коре в определенной последовательности [Кочетова 1990]. В формационном подходе к социуму общественно-экономические формации (как и геологические) напластовываются друг на друга и переходят от одной к другой поступательно во времени. Подобно тому, как более ранняя по образованию геологическая формация не может залегать выше более

поздней, капиталистическая формация не может перейти в рабовладельческий строй. А историю европейского общества можно представить в качестве формационного среза, состоящего из первобытно-общинной, рабовладельческой, феодальной и капиталистической общественно-экономических формаций.

В социальной философии используются также и внешние психологические аналогии. Например, психоаналитик Э. Фромм в работе «Здоровое общество» постулирует существование здоровых и больных обществ по аналогии с психически здоровыми и душевнобольными людьми. Нездоровое общество уподобляется страдающему шизофренией человеку, который регрессировал до более ранних стадий психического развития. И душевнобольной человек, и нездоровое общество поддаются лечению [Фромм 2005].

Кроме того, внешние аналогии в социальной философии могут проводиться не только с предметами тех или иных научных исследований, но и с объектами массовой культуры. Так, широкую известность получило представление Дж. Ритцера о макдональдизации общества. Принципы организации бизнеса известного ресторана быстрого питания стали базовой моделью для отображения современных жизненных реалий социума [Ритцер 2011]. Отмеченная тенденция не есть исключительная особенность социогуманитарного познания, поскольку сами естественники используют «популярные» термины типа «кратовая нора», «черная дыра», «кварки», «струны» и др. Также укажем и на обратное явление: проникновение физических, биологических и иных аналогий в популярную культуру, в частности средства массовой информации. Читатель новостных информационных ресурсов непременно заметит аналогии типа «раковая опухоль коррупции», «политическая шизофрения», «Россия – это медведь» и многие другие.

В заключение представляется целесообразным выделить три стратегии вовлечения внешних аналогий при отображении общества. Во-первых, это отдельные заимствования из вспомогательной области знания. Исследователь здесь не ставит целью развернутое и законченное уподобление общества внешнему объекту, тем не менее при описании и интерпретации социума он в какой-то степени прибегает к вспомогательным наукам. Так, представители цивилизационного подхода широко используют сравнение цивилиза-

ций, культур и т. п. с различными организмами, которые проходят цикл рождения, жизни и гибели. Во-вторых, это проведение полной, последовательной и законченной аналогии между обществом и объектами вспомогательной области знания. Такое подробное сличение двух исследовательских областей мы наблюдаем у Т. Гоббса при уподоблении общества часовому механизму или у Г. Спенсера, когда он описывает социум наподобие животного организма. В-третьих, это стирание границы между двумя исследовательскими областями, в ходе чего происхождение и сущность человеческого общества редуцируются к воздействию на него явлений и процессов живой или неживой природы. Адекватным вариантом третьей исследовательской стратегии выступают исследования А. Л. Чижевского о воздействии солнечной активности на общественную жизнь, менее адекватным – расистская модель, где биологические параметры человека являются определяющим фактором для устройства и функционирования общества.

Связано ли редуцирование жизнедеятельности социума к законам вспомогательных областей знания с использованием внешних аналогий? На наш взгляд, на этот вопрос можно ответить положительно. Во-первых, сами редуccionисты вынуждены проводить внешние аналогии, то есть использовать вспомогательный понятийный аппарат, после того как они поставили функционирование социальной реальности в прямую и определяющую зависимость от проявлений живой или неживой природы. Во-вторых, если принять исследовательскую ограниченность редуccionизма, поскольку при таком подходе утрачивается чисто социальная сущность общественных явлений и процессов, то мы не можем не признать, что и здесь происходит фактическое уподобление социального мира физическому или биологическому. У А. Л. Чижевского мы видели, что общество принимает волнообразную модель так же, как и пятнообразующая активность Солнца, а у расистов – разделяется между расами людей как между различными биологическими видами.

Итак, можно удостовериться, что использование внешних аналогий – это неистощимый, плодотворный, разносторонний, а в некоторых случаях неоднозначный метод, широко привлекаемый для моделирования социальной действительности. Проанализировав два ключевых направления социально-философского моделирова-

ния – физическое и биологическое, в основе построения которых лежат внешние аналогии, мы смогли удостовериться, что для каждого направления характерно выстраивание нескольких уровней проведения аналогий между социумом и объектами вспомогательной области знания. Внешние аналогии могут являться основой для проведения исследования, могут быть вспомогательным способом познания, а могут использоваться для спекулятивных и антинаучных построений.

Литература

Бранский В. П. Социальная синергетика как постмодернистская философия истории // *Общественные науки и современность*. 1999. № 6. С. 117–127.

Гоббс Т. Основы философии. Ч. 3. О гражданине / Т. Гоббс // Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 270–506.

Гобозов И. А. Социальная философия: диалектика или синергетика? // *Философия и общество*. 2005. № 2(39). С. 5–17.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Ин-т русской цивилизации; Благословение, 2011.

Дзугаев К. Г. Синергетика – самоорганизация симулякров? // *Философия и общество*. 2006. № 2(43). С. 179–183.

Кареев Н. И. Основные вопросы философии истории. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1897.

Кетле А. Социальная система и законы, ею управляющие. М.: ЛИБРОКОМ, 2012.

Комиссаров И. И. Механистические общественные модели А. Кетле и Г. Ч. Кэри: сравнительный анализ // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Философия»*. 2015а. № 4(18). С. 144–149.

Комиссаров И. И. Органицистская модель Г. Спенсера: актуальность подхода // *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки»*. 2015б. № 6(69). С. 320–325.

Кочетова Л. М. Категория «общественно-экономическая формация» в работах Карла Маркса 40-х и 50-х годов XIX в. Сравнительный анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л., 1990.

Ламетри Ж. О. Человек-машина / Ж. О. Ламетри // Соч. М.: Мысль, 1983. С. 169–226.

Лебон Г. Психология народов и масс. М.: Академический проект, 2012.

Лиленфельд-Тоаль П. Ф. Мысли о социальной науке будущего. Человеческое общество как реальный организм. М. : ЛИБРОКОМ, 2012.

Ловецкий Г. И., Комиссаров И. И. Вернадский и Чижевский о взаимодействии наук // Философия науки. 2014. № 4(63). С. 3–11.

Нехамкин В. А. Синергетика и современное историческое познание: возможности и пределы // Проблемы исторического познания. 2015. № 1. С. 150–170.

Ритцер Дж. Макдональдизация общества 5. М. : Праксис, 2011.

Семенов Ю. И. Философия истории. Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. М. : Современные тетради, 2003.

Семенов Ю. И. Проблема социальной реальности // Философия и общество. 2015. № 3–4(77). С. 51–75.

Скворец В. А. Жизнеустройство народа и моделирование социального организма // Философия и общество. 2013. № 3(71). С. 87–104.

Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М. : Дом интеллектуальной книги, 2002.

Спенсер Г. Социальный организм // Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. Минск : Современный литератор, 1999.

Стронин А. И. История общественности. СПб. : Тип. Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1885.

Урманцев Н. М. Свобода общества и человека: аспекты самоорганизации // Философия и общество. 2007. № 4(48). С. 68–82.

Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Сумерки богов / под ред. А. А. Яковлева. М. : Политиздат, 1990. С. 94–142.

Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе. М. : АСТ, Транзиткнига, 2005.

Хвостов В. М. Социология. Исторический очерк учений об обществе. М. : ЛИБРОКОМ, 2011.

Чижевский А. Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга : 1-я Гостиполитография, 1924.

Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М. : Изд. бр. Башмаковых, 1910.

Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. М. : Мысль, 1998.

Carey H. C. Principles of Social Science. Philadelphia : J. B. Lippincott & Co, 1858.